

А.Л. КУЗЬМИНЫХ, С.И. СТАРОСТИН. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.). Вологда, 2014. 688 с.: илл.

Рецензирование научного издания сопряжено с большой ответственностью. Самое трудное в процессе рецензирования — определить, вносят ли авторы вклад в науку. Как известно, науку делают те, кто, исследуя неосвоенные проблемные поля, формулируют принципиально новые концептуальные подходы, выводы и оценки. Четверть века тому назад постсоветские историки, сконцентрированные на советско-польских отношениях, стали осваивать одно из таких полей — «историю репрессий против поляков и польских граждан в период сталинизма» (с. 14). Жертвами подобных репрессий стали не менее 700 тыс. человек.

В указанное проблемное поле органически вписывается предмет исследования книги «Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.)», написанной вологодскими учеными. Главная цель настоящей рецензии: дать комплексный анализ этой книги. Логика дальнейшего изложения требует показать, что было конкретно сделано постсоветской историографией по исследованию репрессий против поляков и польских граждан в период сталинизма до выхода данной книги. При этом надо иметь в виду два параметра: общесоюзный и региональный.

По общесоюзному параметру капитально проработаны следующие позиции.

Первая позиция: исследование репрессий, датируемых 1937–1938 гг. Квинт-эссенция выводов и оценок по этой позиции такова. «В 1937–1938 гг. поляки стали одной из самых многочисленных национальных групп, на которую обрушился маховик “Большого террора”. Эта репрессивная кампания получила наименование “польская операция”. Любой советский гражданин, имевший польскую фамилию или польские корни, оказывался потенциальной жертвой карательной машины НКВД. Практически во всех регионах СССР, в столичных городах и глубокой провинции, проходили массовые аресты и допросы, выносились приговоры, содержание

которых было заранее predetermined. В целом по польской операции было осуждено 139 835 чел., из которых 111 091 чел. были расстреляны и 28 744 чел. направлены в исправительно-трудовые лагеря» (с. 14).

Вторая позиция: выявлено влияние советско-германских договоренностей 1939 г. на характер, цели и масштабы репрессий. В результате этих договоренностей СССР получил поддержку Германии на включение в свой состав Западной Белоруссии и Западной Украины, которые до этого были частью территориального массива польского государства. В сентябре 1939 г. Западная Белоруссия и Западная Украина стали объектами советского военного присутствия. Вместе с Рабоче-крестьянской красной армией (РККА) сюда пришли сталинские чекисты. Благодаря интенсивным изысканиям ученых-историков тезис о преступлениях сталинского режима был подкреплен следующими фактами по второй позиции. «Военнослужащие польской армии, захваченные на занятых территориях (248 тыс. чел.), были обезоружены, а половина из них (125 тыс. чел.) — направлена в лагеря НКВД. Большинство солдат вскоре были освобождены (42 тыс. чел.) или переданы германским властям (43 тыс. чел.). Остальные (около 25 тыс. чел.) удерживались в советском плену и привлекались к труду на советских предприятиях и стройках.

Наиболее трагическая судьба выпала на долю офицеров польской армии, сотрудников полиции, пограничной охраны (15 тыс. чел.), которые на основании секретного решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. были расстреляны под Калинином, Смоленском и Харьковом, как “заключенные враги советской власти”. Та же участь постигла 11 тыс. польских узников тюрем УНКВД Западной Украины и Западной Белоруссии.

Массовой депортации подверглось польское население с присоединенных к СССР территорий. Около 320 тыс. чел. были высланы в северные и восточные регионы страны» (с. 14–15).

Третья позиция: решение учеными ряда проблемных вопросов, касающихся отрезка времени, относившегося к 1944–1945 гг. Стартовая точка этого отрезка – смена германского военного присутствия на польской земле советским. Несомненно, полное освобождение страны от германских агрессоров, для которых Вторая мировая война началась с польской земли, имело огромное историческое значение. У самих поляков сил и средств для этого не было. Конечно, эта констатация не умаляет роли польского Движения сопротивления. Но факт остается фактом: РККА – главная освободительница Польши. Вместе с тем вслед за РККА по польской земле двигались представители советских спецслужб, которые отметились здесь многими зловещими страницами. «Органы военной контрразведки “Смерш” и НКГБ–НКВД арестовывали лиц, сотрудничавших с немецкими оккупантами, членов польского движения сопротивления и всех, кто представлял потенциальную опасность для советской власти. Главный удар был направлен против подпольной Армии Крайовой, напрямую подчинявшейся польскому правительству в Лондоне. По данным исследователей, от 39 до 48 тыс. поляков были арестованы и интернированы на территорию СССР. В местах лишения свободы они содержались наравне с заключенными и военнопленными гитлеровской армии и были возвращены на родину спустя несколько лет после окончания войны, за исключением тех, кто был осужден и переведен в лагеря ГУЛАГа» (с. 15).

По региональному параметру прослеживается не меньшая продуктивность исследования. «В отличие от других регионов России, в Вологодской области история репрессивной политики советского государства в отношении польских граждан стала предметом специального исследования лишь недавно» (с. 19). Первая соответствующая публикация датируется 1994 г. Она принадлежала В. Б. Конасову и В. В. Судакову. Указанная проблематика разрабатывалась также в трудах А. Л. Кузьминых, С. И. Старостина, А. Б. Сычева.

«Анализ региональной историографии позволяет сделать вывод, что, несмотря на активное изучение (в 1994–2014 гг. – рецензенты) репрессий против поляков на вологодской земле, до 2014 года отсутствовал обобщающий труд по данной теме. Именно эту задачу и призвана решить рецензируемая книга [...] Авторы рассматривают подготовленное издание не только как дань памяти пострадавшим от сталинского террора польским гражданам, но и как

попытку разобраться в собственном тоталитарном прошлом» (с. 21).

Главная научная ценность книги – системная реконструкция датируемого 1937–1953 гг. отрезка в жизни тысяч поляков и польских граждан, когда им пришлось пройти в Вологодской области через репрессии, плен, спецпоселение. Осуществляя системную реконструкцию, авторы одновременно выступали историками, политологами, правоведами, этнографами, культурологами, социологами, психологами. Они отлично разобрались в механизме функционирования пенитенциарной системы. Попутно заметим, что доктор исторических наук А. Л. Кузьминых преподает будущим сотрудникам этой системы в Вологодском институте экономики и права Федеральной службы исполнения наказаний. Естественно, базисом исследовательского процесса выступил комплексный подход, который у А. Кузьминых и С. Старостина блестяще коррелируется с институциональным, системным, социокультурным, проблемно-хронологическим подходами. Перед нами образец реализации принципов историзма, объективности, всесторонности, системности, междисциплинарности научного анализа.

А. Л. Кузьминых и С. И. Старостин применяли как общенаучные, так и специальные исторические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование, конкретизация. Весьма успешно сработал и тот сегмент методического арсенала, который включает историко-типологический, историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, историко-культурный методы. В методический арсенал органически вписались три вспомогательных метода: сравнительно-правовой, текстологический, статистический.

Становой хребет рецензируемой книги – обобщение гигантского фактологического массива, впервые введенного в научный оборот. «Книга основана на комплексе документов из центральных и местных государственных и ведомственных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, архива Управления Министрства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области, архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области, Государственного архива Вологодской области, Государственного архива Кировской области, Вологодского областного архива новейшей политической

истории, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Наиболее ценные архивные документы, выявленные в процессе подготовки книги, авторы сочли необходимым опубликовать в оригинале.

Нашли отражение на страницах книги и документы личного происхождения — воспоминания и письма репрессированных. Они позволяют ощутить человеческое измерение жизни в условиях несвободы, увидеть описываемые события глазами их непосредственных участников» (с. 21).

Первая глава книги называется «“Большой террор” и “польская операция” (1937—1938 гг.) на территории Вологодской области». И в этой, и в последующих главах авторы показывают, что в СССР был напроць исключен из реальной практики принцип презумпции невиновности. Никак не стыковались с этим принципом два документа, которые предreshали судьбу многих тысяч людей. Эти документы существовали для сталинских чекистов в одной связке. Они датированы одним числом. «11 августа 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00485, положивший начало массовым репрессиям в отношении поляков [...] Одновременно с приказом № 00485 за подписью Н. И. Ежова в местные органы НКВД было направлено “Закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР” [...] В целом, Комиссия НКВД и Прокурора СССР в период с ноября 1937 г. по май 1938 г. рассмотрела 9 “альбомов” на лиц, обвиняемых в шпионской и диверсионной деятельности в пользу Польши на основании приказа № 00485 от 11 августа 1937 г., предоставленных УНКВД по Вологодской области, и 5 “альбомов”, предоставленных ДТО ГУГБ НКВД СЖД.

Всего в ходе “национальных операций” по делам УНКВД по Вологодской области, представленным в Москву, были рассмотрены материалы по обвинению “в шпионской и диверсионной деятельности” в отношении 290 чел., из которых 221 чел. осуждены к высшей мере наказания, 66 чел. — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, в отношении 1 чел. дело передано на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в отношении 2 чел. — в суды общей юрисдикции, в том числе по “польской операции” — 133 чел. (ВМН — 104 чел., 10 лет ИТЛ — 29 чел.) [...]

В то же время по делам ДТО ГУГБ НКВД СЖД были рассмотрены материалы в отношении 239 чел., из которых 100 чел.

были осуждены к ВМН, 112 чел. — к 10 годам ИТЛ, 9 чел. — к 8 годам ИТЛ, 3 чел. — к 5 годам ИТЛ. В отношении 7 чел. дела были переданы на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в отношении 2 чел. — в Линейный суд СЖД, в отношении 6 чел. — направлены на следствие. По “польской операции” сведения выглядят следующим образом: 119 чел. (ВМН — 49 чел., 10 лет ИТЛ — 55 чел., 8 лет ИТЛ — 5 чел., 5 лет ИТЛ — 2 чел., 4 чел. — в Военную коллегию Верховного суда СССР, 2 чел. — в Линейный суд СЖД, 2 чел. — на следствие) [...]

Репрессированные Комиссией НКВД и Прокурора СССР по “польской операции” составляли большинство: по делам УНКВД по Вологодской области — 45,9% (133 из 290), по делам ДТО ГУГБ НКВД СЖД — 49,8% (119 из 239). “Польская операция” стала третьей по количественному составу репрессированных» (с. 25, 28, 30—31).

Конечно, у репрессированных есть потомки, есть и поныне живущие родственники. Они крайне заинтересованы в точной информации об анализируемой категории лиц. Такую заинтересованность удовлетворяет содержащийся в первой главе «поименный список граждан, репрессированных на территории Вологодской области в ходе “польской операции” 1937—1938 гг. В биограммах указаны фамилия, имя, отчество; год и место рождения; место жительства; национальность; сведения о датах ареста и осуждения; органе, принявшем решение о применении репрессии; дате приведения приговора в исполнение; дальнейшей судьбе или месте отбытия наказания; дате и органе, принявшем решение о реабилитации» (с. 33).

Предмет исследования второй главы — военнопленные и интернированные поляки в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области (1939—1949 гг.). Это один из аспектов, который связывает Западную Белоруссию и Западную Украину. К сожалению, сюжетная линия второй главы пока никак не отражена в экспозициях западно-белорусских музеев. Для восполнения этого пробела необходима кооперация усилий сотрудников музеев Западной Беларуси и Вологодчины.

Связка сюжета общеизвестна. 17 сентября 1939 г. РККА перешла советско-польскую границу. А уже «19 сентября нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ № 0308 “Об организации лагерей военнопленных”. Этим приказом учреждалось Управление НКВД СССР по военнопленным (УПВ НКВД СССР),

а также развертывалась сеть из 8 лагерей для военнопленных. Вскоре были сформированы еще два лагеря — Вологодский (Заоникиевский) и Грязовецкий, находившиеся на территории Вологодской области [...] Первые эшелоны с военнопленными прибыли на вокзалы Вологды и Грязовца 4–6 октября 1939 г.» (с. 101–102).

Эти лагеря не оставались неизменными в плане контингента военнопленных, отношения к ним советских компетентных органов. Авторы показывают, что Грязовецкий лагерь стоял особняком в союзном интерьере. «Несмотря на разницу в возрасте, воинском звании и национальности, пленников Грязовецкого лагеря объединяло одно обстоятельство: большинство из них представляли интерес для советских спецслужб и политорганов» (с. 105). Именно этим можно объяснить следующее обстоятельство. «Материально-бытовые условия в Грязовецком лагере отличались в лучшую сторону от других лагерей и тюрем НКВД. Здесь лучше кормили, не докучали обысками и допросами, внимательно относились к просьбам и ходатайствам» (с. 105).

Авторами проанализированы настроения среди польских военнопленных. Перед читателем предстает мозаичная картина. Среди польских военнопленных были и левые, и правые, и центристы. Дифференциация прослеживалась также по отношению к СССР. Преобладали те, кто оставался верен польскому эмигрантскому правительству во главе с Сикорским, которое до июля 1941 г. придерживалось теории двух врагов: СССР и Германии. Без изъятий показаны межнациональные противоречия внутри исследуемого контингента.

В истории лагеря произошли серьезные изменения после нападения Германии на СССР. В июле 1941 г. Кремль и правительство Сикорского стали союзниками. Грязовецкий лагерь был втянут в искусную игру Сталина в отношении своего союзника. А. Л. Кузьминых и С. И. Старостин показывают, что «Грязовецкому лагерю принадлежит важнейшая роль в формировании польской армии в СССР. Он стал местом концентрации уцелевшего в катынской бойне польского офицерства. Бывшие “грязовчане” составили костяк армии В. Андерса, формируемой на территории СССР для участия в боевых действиях на советско-германском фронте. Элита этой армии, по замыслу советских властей, должна была стать оплотом

будущего польского государства просоветской ориентации. Увы, этим планам не суждено было сбыться. Армия Андерса на территории Советского Союза в сражениях так и не участвовала, а летом 1942 г. по решению кабинета Сикорского была выведена на территорию Ирана» (с. 117).

Не секрет, что в годы Великой Отечественной войны часть уроженцев Польши воевала на стороне германцев, противостоявших РККА. В этой части были и те, кто оказался в советском плену. К ним надо приплюсовать тех уроженцев Польши, кто был интернирован. «Вологодская область стала одним из регионов СССР, где дислоцировались учреждения для военнопленных и интернированных. Через шесть лагерей с 35 лагерными отделениями и девятью спецгоспиталями прошло свыше 60 тыс. иностранных военнопленных и гражданских лиц 30 различных национальностей. Среди них, согласно документам НКВД—МВД, были 1450 поляков (988 военнопленных и 462 интернированных). Возможно, эта цифра является неполной, так как документация не всех лагерей и спецгоспиталей содержит сведения о национальном составе контингента.

Одним из наиболее крупных в регионе являлся Череповецкий лагерь-распределитель № 158, сформированный на основании приказа НКВД СССР № 001156 от 5 июня 1942 г. для приема военнопленных с Карельского и Волховского фронтов» (с. 118).

Через два года в городе Сокол появился лагерь № 193. Здесь от военнопленных требовался рабский труд на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности. Всего за годы существования лагеря через него прошли 363 поляка (с. 119).

После Великой Отечественной войны был построен еще один лагерь. «В октябре 1945 г. в окрестностях Череповца начал функционировать лагерь военнопленных под номером 437. Он располагался в селе Богородское, в полутора километрах западнее г. Череповца, и предназначался для содержания старшего и младшего командного состава германской армии. Через лагерь прошло 478 поляков. Наиболее крупный этап поляков (359 интернированных) поступил 12 июля 1947 г. из лагеря № 454 (г. Рязань). В 1947–1948 гг. 148 интернированных поляков (переведенных из лагерей № 158 и 437) содержались в Грязовецком лагере № 150. Рассредоточение поляков по разным лагерям, вероятно, было продиктовано стремлением руководства НКВД—МВД

предотвратить групповые акции неповиновения, вызванные задержкой репатриации. Анализ статистики лагерей № 158 и 193 показывает, что поляки, служившие в вермахте, в подавляющем большинстве были репатриированы осенью 1945 г.» (с. 120).

Глава третья посвящена польским спецпереселенцам на территории Вологодской области. Ее хронологические рамки охватывают 1940—1946 гг. Стартовые точки первых трех депортаций поляков и польских граждан других национальностей из Западной Белоруссии и Западной Украины после включения этих регионов в состав СССР были таковы. Первая депортация началась 10 февраля 1940 г., вторая — 13 апреля 1940 г., третья — 29 июня 1940 г. За месяц с небольшим до начала Великой Отечественной войны стартовала четвертая депортация. Каждая из перечисленных депортаций охватывала строго определенный круг лиц. В результате первой депортации на место назначения прибывали спецпереселенцы-осадники, второй — административно высланные «члены семей репрессированных», третьей — спецпереселенцы-беженцы, четвертой — ссыльнопоселенцы.

«К ноябрю 1940 г. в Вологодской области окончательно сформировалась система учреждений для польских спецпереселенцев, состоявшая из 34 спецпоселков (20 — для осадников и 14 — для беженцев) и одного инвалидного спецдома, находившихся в 17 из 43 существовавших тогда административных районов области [...]

К началу 1941 г. в Вологодской области находилось 13 262 спецпереселенца, из которых 13 139 (осадников — 9 270, беженцев — 3 869) проживали в 34 спецпоселках. Еще 103 чел. содержались в инвалидном доме и 20 — в детских домах

(16 детей беженцев и 4 ребенка осадников). По числу польских спецпереселенцев Вологодская область находилась на шестом месте после Архангельской (53 021 чел.), Свердловской (26 819 чел.), Новосибирской (19 594 чел.) областей, Коми АССР (18 722 чел.) и Красноярского края (14 989 чел.) [...] Польские спецпереселенцы продолжали прибывать в Вологодскую область и после 1 января 1941 г., однако новых спецпоселков уже не возникало [...] В Вологодской области доля поляков среди спецпереселенцев-осадников (71,4% согласно пофамильным данным) была заметно ниже, а доля белорусов (20,1%) значительно выше, чем в среднем по республикам, краям и областям расселения (81,7% и 8,1% соответственно). Среди спецпереселенцев-беженцев же в Вологодской области доля евреев (95,2% согласно пофамильным данным) была заметно выше, чем в остальных регионах расселения (84,3%). В целом среди польских спецпереселенцев обеих категорий в Вологодской области доля поляков составляла немногим более половины (51,8%), а доля евреев — больше четверти (28,0%). Весьма заметной была и доля белорусов (14,2%) [...] Пребывание лиц, депортированных из западных областей УССР и БССР, на поселении в Вологодской области закончилось их освобождением на основании Указа ПВС СССР от 12 августа 1941 г. «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР» (с. 306—308, 317).

Конечно, рецензенты не могут утверждать, что проанализировали все сюжетные линии книги вологодских ученых. Это обусловлено ограниченным объемом рецензии. Но и того, что изложено, достаточно для итогового вывода: монографию следует оценить на «отлично».

© 2017 г. М. В. Стрелец, Н. Н. Мезга